

УДК 811.161.1'373.612.2 +
+ 821.161.1 Салтыков-Щедрин-313.1

Э. Ф. Шафранская

РЕЗОНАНСНЫЙ КОНТЕКСТ ОДНОЙ ЩЕДРИНСКОЙ МЕТАФОРЫ

Статья посвящена особенностям метафорического использования М. Е. Салтыковым-Щедриным катойконима *ташкентцы*. Благодаря великому русскому писателю-сатирику номинация *ташкентцы* из названия жителей города превратилась в публицистике, художественной литературе и повседневной коммуникации второй половины XIX в. в обозначение тех, кто ехал в Ташкент и через некоторое время возвращался оттуда. При этом созданная М. Е. Салтыковым-Щедриным метафора проникнута негативной коннотацией, которая связана с одиозно воспринимаемыми современниками реальными событиями — туркестанским проектом Российской империи. В XX в. с приходом Советской власти катойконим *ташкентцы* вновь подвергся переосмыслению и оказался встроенным в противоположную парадигму, несущую пафос спасительного локуса, символического тыла на востоке страны. Путь развития семантики лексемы *ташкентцы* — от авторского переосмысления исходного значения до возникновения энантиосемического наполнения, а затем и исчезновения названия в его переосмысленном виде из русского языкового пространства — прослежен в статье на примерах из произведений Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Н. Н. Каразина, Л. Н. Толстого, А. С. Неверова, а также публицистики XIX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, литературная ономастика, катойконим, коннотация имени собственного, прецедентный оним, Салтыков-Щедрин, «Господа ташкентцы», Ташкент, Туркестан, Достоевский, Каразин, Лесков, Огарев.

К 125-летию со дня смерти
М. Е. Салтыкова-Щедрина

1869–1872 гг. — время опубликования щедринских «Господ ташкентцев». Катоиконим *ташкентцы*, вопреки языковой парадигме, после выхода в свет щедринских очерков стал обозначать не жителей города Ташкента, а тех, кто ехал туда на время и возвращался оттуда. Смыслы, вложенные Щедриным в лексему *ташкентцы*, были для того времени столь актуальными и животрепещущими, что мгновенно, почти без временной дистанции, слово зажило самостоятельной жизнью как на страницах столичных журналов, в художественной литературе, так и в повседневности читающей публики. Смыслы «ветвились», метафора трансформировалась: с *ташкентством* связывалось все асоциальное, коррумпированное, опасное для мирной жизни.

Оборотной, или официальной, стороной *ташкентства*, вполне синонимичной щедринской трактовке, было «цивилизаторство»; *ташкентец* — цивилизатор, «который придет, старый храм разрушит, нового не возведет и, насоривши, исчезнет, чтоб дать место другому реформатору, который также придет, насорит и уйдет...» [Салтыков-Щедрин, 10, 267].

Официально такое цивилизаторство началось в 1865 г., когда Ташкент был взят штурмом российскими войсками и присоединен к империи. Однако русский имперский интерес к Туркестану складывался задолго до этой рубежной даты. Венгерский востоковед, путешественник Арминий Вамбери за два года до взятия Ташкента русскими предпринял в обличье дервиша путешествие по Средней Азии. Книга о его путешествии была опубликована в 1864 г., а первый ее русский перевод — в 1865 г. Трудно утверждать, что эта книга каким-то образом повлияла на щедринских «Господ ташкентцев», но и исключать подобное нельзя. Хотя бы одним, но концептуальным для двух авторов словом сближаются интенции двух текстов — А. Вамбери и Салтыкова-Щедрина. Слово это — *цивилизация* (*цивилизаторство*). Вот как резюмирует записки о своем путешествии А. Вамбери:

«Русско-английское соперничество в Средней Азии, — сказали мне, когда я вернулся в Англию, — это просто нелепость. Оставьте этот избитый и уже вышедший из моды политический вопрос. Народ Туркестана — дикие, грубые варвары, и мы поздравим себя, если Россия примет тяжкую и достойную обязанность нести *цивилизацию* (здесь и далее курсив наш. — Э. Ш.) в эти области. У Англии нет ни малейшей причины следить за политикой России с завистью и ревностью». <...> В успешном осуществлении русских планов в Средней Азии, таким образом, нечего сомневаться. <...> В интересах *цивилизации* мы должны пожелать русскому оружию наилучших успехов, однако все становится более сложным, когда мы думаем о дальнейших последствиях будущих приобретений. Трудно ответить на вопрос, удовлетворится ли Россия Бухарой, сочтет ли Оксус границей своего влияния и своих планов. Не вдаваясь в слишком глубокие рассуждения, мы можем вполне определенно сказать, что петербургский двор постарается получить за свою политику, в течение многих лет проводимую в Великой пустыне ценою утомительных трудов и крупных

расходов, более богатое вознаграждение, чем земли туркестанских оазисов [Вамбери, 2003, 301–303].

Если лексема *цивилизация* у Вамбери использована в прямом, эмоционально не окрашенном значении, то Салтыков-Щедрин употребляет ее в другом — ироничном, доходящем до сарказма, — когда говорит о процессе цивилизаторства и его участниках — цивилизаторах. Салтыков-Щедрин не разделял цивилизаторскую миссию царского правительства — об этом он пишет не только в «Господах ташкентцах», но и в «Благонамеренных речах» (1872–1876) [Салтыков-Щедрин, 11, 435–436; 617].

Щедринская интенция была подхвачена его современниками — критиками, журналистами. Так, сотрудник журнала «Дело», опубликовавший под инициалами П. И., проанализировал одно из направлений в науке, ее теоретиков, «имеющих много сходных черт с теми практиками, которых г. Щедрин остроумно охарактеризовал словом “ташкентцы”». Да, это ташкентцы — но только ташкентцы, устремляющиеся не к “окраинам” и не в новые суды, а в “науку”» [П. И., 1872, 2], назвав свои филиппики «Ташкентец в науке» (1872). Объект обличения автора — глава этакой новой «школы», г. Стронин, который «в качестве “истого ташкентца” страдает манией самовозвеличения. Ему кажется, или лучше сказать, он уверен, что он работает не в интересах ограниченного кружка ташкентцев, а в интересах всего человечества» [Там же]. Господин Стронин, автор трактата «Политика как наука» (1872), встроен П. И. в щедринский ряд цивилизаторов:

«Объединить славянство, исторгнуть его из-под гнета разных немцев и басурман — вот великая миссия России». Но г. Стронину и этого мало; как истый ташкентец он «все» хочет захватить в свои руки. «Что мне одни славяне, что мне ваши Греции и Константинополь; много ли в них толку? — нет, мне подавай всю Европу, всю как есть: о меньшем и слышать не хочу!» <...> «Наша завоевательность, — говорит он, — и ее вероятный исход, всемирное владычество наше, имеет характер необходимости исторической». Мы, т. е. гг. Стронины, Данилевские и К°, «сосуд, предназначенный для совмещения всей цивилизации старого света и передачи ее будущим векам и новому свету», «эта завоевательская миссия наша есть наша неволя, а не охота (будто бы?), она есть тяжелый крест, а не развлечение (еще бы!) и прихоть» [П. И., 1872, 21–22].

«О, наши европейские цивилизаторы...» [П. И., 1872, 25], — обличая г. Стронина как апологета квасного патриотизма, «который формулируется в восклицании: “мы их, басурманов, шапками закидаем!”» [Там же, 17], автор критического очерка разбирает по косточкам псевдонаучный дискурс своего оппонента, неоднократно подчеркивая стронинские амбиции цивилизатора всеевропейского масштаба: «логика истинного ташкентца» [Там же, 4]; «философствующий ташкентец» [Там же, 9]; «ташкентская мудрость» [Там же, 11]; «Мания нашей ташкентской философии истории... принадлежит именно к числу... давно заброшенных мнений, защищаемых с помощью рутины. Эта философия, устами гг. Гильфердингов и Данилевских,

признает за каждым народом какую-то особую миссию, верует в необходимость падения (в прошлом) римской империи, в неизбежность падения (в будущем) романо-германской цивилизации и в пышный расцвет славянской» [П. И., 1872, 18].

В 1874–1875 гг. в журнале «Дело» публикуется цикл статей под названием «Ташкентские рыцари». Автор, П. Никитин¹, вспоминает свое школьное прошлое, когда приходилось зазубривать трудно выговариваемые этнонимы по учебнику географии, при этом думая про себя: «И на кой черт нам надо знать каких-то каракалпаков, барантачей...» [Никитин, 1875, 1]. Однако по прошествии ряда лет, пишет автор, все эти этнонимы стали актуальны. «...Многим из наших товарищей, наших братьев, дядей, отцов пришлось воочию узреть самих барантачей, тюркменов, каракалов и др. Эти дикие племена, “живущие грабежом и разбоем” (как говорилось о них в учебнике по географии Ободовского. — Э. Ш.), оказались не мифом... а действительно существующими людьми, и какими ужасными людьми!» [Там же, 2], о них «заговорили газеты... о них печатались репортажи, составлялись обстоятельные статьи, их изображали на картинах и выводили в романах» [Там же, 3]. Эти «дикие и ужасные», побежденные в процессе русского туркестанского проекта, «нецивилизованные» люди не уступали по степени «ужасности» цивилизованным, т. е. захватчикам, которых автор называет «ташкентскими рыцарями» [Никитин, 1874, 17–20] и выносит им вердикт:

Какой-то таинственный голос шепчет цивилизованному человеку: «иди, просвещай и покоряй языци, разноси по вселенной свет своего разума». Какая-то невидимая рука толкает его все вперед и вперед, к «далеким окраинам» цивилизованного мира. Мы, русские, приобщившиеся к общечеловеческой цивилизации, мы тоже испытали на себе и заманчивую прелесть этого таинственного голоса, и поощрительные толчки этой невидимой руки. Как люди цивилизованные, мы вполне поняли, что на нас лежит великая задача — просветить «восток», пропагандировать цивилизацию среди дикарей, уделить этим несчастным «пасынкам природы» частичку из тех благ человеческого прогресса, которыми мы стали пользоваться сами. Проникнувшись важностью исторической миссии, мы, не думая долго, «потекли» в Ташкент в хвосте «победоносного воинства», — потекли и потащили за собой длинный хвост разнокалиберной, цыганской толпы, таких *цивилизаторов*, которые ничуть не лучше завоеванных нами дикарей [Никитин, 1875, 8–9].

Ташкент после 1865 г. очень быстро стал восприниматься современниками как часть России. Например, в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» присутствует одна деталь в виде прокламации — со стихотворным текстом под названием «Светлая личность», — которую Достоевский создал, спародировав стихотворение Н. П. Огарева «Студент» — оно было опубликовано в Женеве в 1869 г. Главы «Бесов» с этой прокламацией-пародией, которая превращается в «герценовский» текст, были напечатаны уже в 1871 г. Цензура поначалу затеяла дело в связи с проявленной халатностью — пропуском в печать «Светлой личности». Но дело

¹ Под псевдонимом П. Никитин в журнале «Дело» печатался литературный критик П. Н. Ткачев.

закончилось, так и не начавшись: роман Достоевского был назван «благонамеренным», а прокламация — «документом, характеризующим образ мыслей и приемы зловердных пропагандистов» [Оксман, 1923, 303]. Вот два текста — изначальный, Огарева, и второй, пародийный, «Герцена»-Достоевского:

Н. П. Огарев, «Студент» (1868)

Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки,
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.

И, гонимый мезтью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье,
Кликнуть клич по всем крестьянам —
От Востока до Заката:
«Собирайтесь дружным станом.
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

Жизнь он кончил в этом мире —
В снежных каторгах Сибири.
Но весь век нелицемерен —
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу»

[Огарев, 1977, 197]

*Ф. М. Достоевский,
«Светлая личность» (1871)*

Он незначной был породы,
Он возрос среди народа,
Но, гонимый мезтью царской,
Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданью,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.

И, восстанье начиная,
Он бежал в чужие край
Из царева каземата,
От кнута, щипцов и ката.
А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпеньем ждал студента.

Ждал его он поголовно,
Чтоб иди беспрекословно
Порешить вконец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мзенью
Церкви, браки и семейство —
Мира старого злодейство!

[Достоевский, 10, 273].

«От Смоленска до Ташкента» — так посредством топонимов обозначены пространства Российской империи. Стиль стихотворения намеренно примитивный, псевдонародный, что выражает «как бы» наивную, простодушную точку зрения угнетенного народа, российского, — вплоть до Ташкента.

В мифологии повседневности 60–70-х гг. XIX в. Ташкент становится амбивалентным образом: местом ссылки и новым «эльдorado», а сам топоним — частотным в художественных произведениях тех лет. Так, в романе Достоевского

«Подросток» (1875) речь идет о князе Сокольском, находящемся в затруднительном положении: «Весь бессвязный разговор его, разумеется, вертелся насчет процесса, насчет возможного исхода... о возможности колонизоваться и выслужиться в Ташкенте...» [Достоевский, 13, 334]. В романе «Братья Карамазовы» (1879–1980) упоминается докторша с двумя малолетними детьми, «сам же доктор вот уже с год заехал куда-то сперва в Оренбург, а потом в Ташкент, и уже с полгода как от него не было ни слуху, ни духу...» [Достоевский, 14, 273].

Почти так же быстро ташкентский след отыскивается в биографии известных людей России. Например, Ташкент присутствовал в семье писателя Н. С. Лескова — как в виде реального локуса, так и в виде имени нарицательного. Его младший брат Василий, устав от неудач, невезенья, безысходности, которые преследовали его в Киеве и Петербурге, едет в Ташкент в 1872 г. Тогда, после упомянутых событий, быстро распространилась мода — устраивать свои дела в Ташкенте. Судя по разбросанным фактам, кто ехал за карьерой, кто за легким, как представлялось, рублем, кто от безнадежности. Попасть туда было не так уж просто. У Н. С. Лескова нашлись знакомства-связи, чтобы выхлопотать для брата разрешение у ташкентского губернатора Кауфмана. Брат доехал до Ташкента, но, не прожив там и года, умер. С тех пор в семье Н. С. Лескова подраставших детей пугали отправкой в Ташкент [см.: Лесков, 1984, 336–343].

В рассказе Н. С. Лескова «Полунощники» (1891) Ташкент упоминается в контексте, распространенном в тогдашней повседневности: если т у д а ехали врачи и хапуги, то о т т у д а возвращались мошенники и «уголовный элемент». Вот фрагменты из «Полунощников»:

Один офицер из Ташкента приехал и оттуда жену привез; так с нею ведь какое невообразимое несчастье сделалось: они по страшной жаре в тарантасе на верблюде ехали, а верблюд идет неплавно, все дергает, а она грудного ребенка кормила, и у нее от колтыханья в грудях из молока кумыс свертелся!.. Ребенок от этого кумыса умер, а она не хотела его в песок закопать и получила через это род помешательства. И они, вот эти-то, желали, чтобы им завтра получить самое первое благословение и побольше денег. То есть, разумеется, не сама сумасшедшая этого добивалась, а ее муж. Этакой, правду сказать, с виду неприятный и с красными глазами, так около всех здешних и юлит, чтобы ему устроили получение, и всех подговаривает: «Старайтесь, — что бог даст — все пополам». А его и слушать не хотят. Зачем делить пополам, когда всяк сам себе все рад получить! [Лесков, 11, 75];

Но один лавочник его признал и пояснил: «Никакой он, — говорит, — не патриот, а просто мошенник, и которую он несчастную женщину при себе за жену возит — она ему вовсе не жена, а с постоянного двора дурочка». И точно, только что мы приехали и стали вылезать, к нему сейчас два городских подошли и повели его в участок, потому что эту женщину родные разыскивают. Повздыхали все: ах, ах, ах! какая низость! какой обман! И подивились, как он ничего этого не прозрел! А потом испугались [Там же, 78].

У истоков такого толкования Ташкента и ташкентцев (движущихся в обоих направлениях: туда и оттуда) стоит, безусловно, М. Е. Салтыков-Щедрин с его «Господами ташкентцами». Он его сотворил из объективной реальности, продекларировав, что «нравы создают Ташкент на всяком месте; бывают в жизни обществ минуты, когда Ташкент насильно стучится в каждую дверь и становится на неизбежную очередь для всякого существования» [Салтыков-Щедрин, 10, 28].

С очевидностью можно предположить, что одиозный контекст, сложившийся вокруг Ташкента и ташкентцев, был ограничен для повседневности XIX в., а именно для слухов, пересудов, сплетен, баек, если и не зафиксированных по всем канонам фольклористики, то находимых сегодня в репликах, аллюзиях, клишированных текстах отдельных литературных произведений, мемуаров, журнально-газетной хроники [см.: Отин, 2004, 329]. Так, в рассказе Н. С. Лескова «Путешествие с нигилистом» (1882) сконструирована картинка фольклорной действительности [см.: Шафранская, 2009] — в случайной компании попутчиков, едущих в одном вагоне поезда, рассуждают о дорожных перипетиях, о том, каких проезжающих можно встретить в пути:

Дьякон... привел... несколько любопытных историй, которые он знал от своего брата, служащего где-то на таможне.

— Через них, — говорил он, — раз проезжал даже не в простых перчатках, а филь-де-пом, а как стали его обыскивать — обозначился шульер. Думали, смиренный — посадили его в подводную тюрьму, а он из-под воды ушел.

Все заинтересовались: как шульер ушел из-под воды?

— А очень просто, — разъяснил дьякон, — он начал притворяться, что его занапрасно посадили, и начал просить свечку. <...> Новый комендант и дал ему свечной огарок и духовный журнал “Православное воображение”, а тот и ушел.

— Как же он ушел?

— С огарком и ушел. <...>

— Да что же ему огарок значил?

— А черт его знает, что значил! Только после стали везде по каморке смотреть — ни дыры никакой, ни щелочки — ничего нет, и огарка нет, а из листов “Православного воображения” остались одни корневильские корешки. <...>

— А кто же он такой был?

— Нахалкиканец из-за Ташкенту. Генерал Черняев его верхом на битюке послал, чтобы он болгарам от Кокорева пятьсот рублей отвез, а он, по театрам да по балам, все деньги в карты проиграл и убежал. Свечным салом смазлся, а с светилем ушел [Лесков, 7, 172].

Для стиля Лескова, как известно, характерна особая «низовая» лексика, имитация народной речи. Созданные им словечки — некие гибриды, производящие комический эффект и конструирующие близкую к простонародной ментальность. Скорее всего, так не говорили, но вполне могли бы: *плакон* — *плакать* и *флакон*; *нимфозория* — *нимфа* и *инфузория*; и т. д. В этой же парадигме и генезис слова

нахалкиканец — *нахал*² и *ахалтекинец*³. Лесковский смысл новообразования складывается в сюжете вышеприведенного отрывка: это ловкий и наглый хитрец и аферист, прокутивший государственные деньги, исчезнувший мошенническим, каким-то нереальным способом из тюремной камеры.

По мере развития сюжета в слове *нахалкиканец* появляются обертоны: путчики поезда, рассказывая «страшные» истории, заменяют ожидаемые обозначения святочной нечисти (действие происходит накануне Рождества) ходовым для того времени словом *нигилист*: «А если, например, нигилист, да в полном своем облачении, со всеми составами и револьвер-барбосом» [Лесков, 7, 170]. *Нигилист* у Лескова — синоним разбойника, проходимца. Вероятнее всего, что в повседневности второй половины XIX в. или в фольклорной действительности такая коннотация была закреплена за словом *нигилист*. М. Е. Салтыков-Щедрин в очерках «Господа ташкентцы» воспроизводит именно эту атмосферу: «...Ольга Сергеевна еще за границей слышала, что в Петербурге родились какие-то нигилисты, род особенного сословия, которого не коснулись краткие начатки нравственности и религии и которое, вследствие того, ничем не занимается, ни науками, ни художествами, а только делает революции» [Салтыков-Щедрин, 10, 99]; «Люди вообще коварны, а нигилисты — это даже не люди...» [Там же, 100]; «Что касается до нигилистов, то я думаю об них так: это люди самые пустые и даже — *пassez-moi le mot* (простите за выражение) — негодяи» [Там же, 101]. Не случайно пассажиры поезда из лесковского рассказа называют странного, загадочного типа одновременно и «нигилистом», и «нахалкиканцем из-за Ташкенту».

Но на этом судьба «нахалкиканца из-за Ташкенту» не заканчивается. Он входит в виде прецедентного текста в русский дискурс. Так, популярный петербургский журналист начала XX в. П. М. Пильский⁴ оставил небольшое эссе-воспоминание (впервые опубликовано в: «Сегодня», 1927, № 116) о Маяковском, назвав поэта «нахалкиканцем из-за Ташкенту».

Путешествие по Европе Маяковского вдруг мне напомнило острые, прекрасные в своей яркости строки из лесковского «Путешествия с нигилистом», и про самого Маяковского можно сказать тоже словами Лескова: — Нахалкиканец из-за Ташкенту: Генерал Черняев его верхом на битюке послал, чтобы он болгарам от Кокарева

² Ср.: «Читатель может спросить меня: кто допустил нас таким образом *нахальничать*? чего смотрело начальство?» [Салтыков-Щедрин, 10, 78]. Думается, что лесковский *нахал* возник не без помощи Салтыкова-Щедрина.

³ *Ахалтекинцы* (тюрк.) — ахалтекинская порода, верховая порода лошадей, выведенная в древности в ахалтекинском оазисе, который находился в 45 км северо-западнее нынешней туркменской столицы Ашхабада; резвые, выносливые животные с крупным, но изящным телосложением и пластичными движениями [НСИС, 102].

⁴ Петр Моисеевич Пильский (1879–1941) — литературный и театральный критик, журналист, прозаик, автор антибольшевистских фельетонов; «противный Пильский», по словам И. Лукьяновой [Лукьянова, 2006, 174].

пятьсот рублей отвез, а он, по театрам да по балам, все деньги в карты проиграл и убежал. «Нахалкиканец!»... Возможно ли изобрести, мыслимо ль найти лучшее определение для путешествующего наглеца? [Пильский, 1999, 289].

Н. Н. Каразин, участник туркестанских походов, художник и писатель, занимает основную интенцию своего литературного творчества у Салтыкова-Щедрина: в двадцати томах (1905) его прозы изображены цивилизаторы, ташкентцы — тогдашние нувориши. Один из своих романов — в унисон щедринскому концепту — писатель называет «Погоня за наживой».

Каразин разворачивает щедринский «цивилизаторский проект»: «Весьма любопытная сторона <...> Ну да и край же, я вам доложу, золотой край для всяких торговых предприятий; то есть за что ни возьмись; и ежели при этом еще деньги — ффа! Все это внове, нетронутое, запускай руки по самые локти, гребни знай... Ну, да вот вы сами увидите...» [Каразин, 1993б, 35].

Проезжающий господин, потенциальный цивилизатор, делится на станции своим опытом общения с туземным населением: «... в чем собственно состоит эта спасительная опытность? <...> – Нагайка? – Она самая. Вот вам альфа и омега путевой премудрости» [Там же, 46]. В романе «Погоня за наживой» есть деталь — рассылаемое приглашение на бал, где «добавлялось, что бал этот имеет, между прочим, целью слияние национальностей, победителей и побежденных, а посему первые приглашались по возможности способствовать достижению этой благой цели, занимая туземных гостей и *объясняя им главнейшие преимущества цивилизованной общественной жизни* перед их полудиким, варварским бытом» [Там же, 248]. Выделенное курсивом — не раз встречающееся разъяснение русской миссии на Востоке в текстах, адресованных русскому читателю, в данном случае — свидетельство критичного и ироничного отношения к ней писателя.

Каразин показал в своей прозе обоюдную жестокость «цивилизаторов» и туземного населения:

Посмотрите! — указал я адъютанту на что-то яркое, лежавшее в густом винограднике. Мой спутник задрожал и побледнел как полотно. Да и было отчего.

Это что-то было женщиной, даже не женщиной, а ребенком лет четырнадцати, судя по формам почти детского тела. Она лежала навзничь, с широко раскинутыми руками и ногами; лиловый халатик и красная длинная рубаха были изорваны в клочья; черные волосы, заплетенные во множество косичек, раскидались вокруг головы, глаза были страшно открыты, судорожно стиснутые зубы прикусили конец языка; под туловищем стояла целая лужа крови.

Даже казаки переглянулись между собою и осторожно отъехали, отвернувшись от этого раздирающего душу зрелища.

А вот и наш поплатился: из какой-то очень небольшой дверки, ведущей в землянку, торчали две ноги, обутые в русские подкованные сапоги. Эти ноги были неподвижны. Казаки ухватились за них и принялись тащить наружу. Вытащили. Смотрим, ничего не разберем: только и осталось человеческого, что одни ноги, все остальное буквально измолочено тяжелыми кетменями [Каразин, 1993а, 492–493];

Страшный вид представляла эта деревня: вся улица засорена всевозможным хламом, всюду гниют неубранные, разбухшие от июльской жары трупы. <...> Многим пришлось взглянуть на дело рук своих более трезвым, неподкупным взглядом [Каразин, 1993а, 496–497];

...Всюду корчились и дико стонали заколотые сарты. Солдаты положительно вышли из себя; вид наших израненных стрелков доводил их до бешенства [Каразин, 1874, 293];

...Я увидел страшную картину: целая куча тел, наваленных одно на другое, загрозила почти весь проезд; некоторые были еще живы и страшно корчились в предсмертной агонии; ватные халаты дымились и тлели: видно было, что выстрелы по ним сделаны почти в упор. Группа солдат, составив ружья, стояла тут же, делая при этом кое-какие замечания; два офицера крутили папиросы и говорили что-то о разнице между бухарскими и хивинскими коврами [Там же, 295];

В наказание за упорство жителей базары велено было разорить дотла, и солдаты ревностно принялись за эту веселую работу. Началось то, что на местном туркестанском наречии называется «баранта». <...> Это не просто грабеж, корысть не играет здесь вовсе первостепенной роли; нет, это какой-то дикий разгул: все наше, а что не наше, таки ничье! <...> Почти все быстро разбогатевшие бессрочные солдаты обязаны своим богатством баранте [Там же, 296–297].

Таковы «господа ташкентцы», представленные Каразиным. На их фоне речь русского офицера в собрании коллег из каразинского романа «На далеких окраинах» полна саркастического подтекста:

И вот мы видим новое явление, явление отрадное. Европа отплатила Азии прошлое зло, но отплатила как? Послав от себя поток умственных сил — взамен грубых физических <...> Наука, искусство, торговля... все явилось к услугам народа дикого, не вышедшего еще из ребяческого состояния <...> Торговые обороты наши... разрослись до невероятных... колоссальных размеров; пределы областей, занятых победоносным оружием, стали тесны... [Каразин, 1905а, 258–259].

Возможно, именно эти акценты, поставленные писателем при описании русской миссии в Туркестане, стали основными причинами забвения его творчества в XX в. Однако не все разделяли скептицизм Салтыкова-Щедрина и Каразина. В основном в дискурсе конца XIX и начала XX в. господствовала благостная точка зрения на Туркестанскую миссию, дарующую счастье, и официально-имперская — о прирастании российского государства.

Цивилизация, быстро шагая вперед, разбудила дремавшую Русь. Поднялся северный колосс и, движимый мощной силой прогресса, быстро принялся догонять Европу... Скоро ему стало тесно в своих пределах и начал он свое поступательное движение на восток. Повалились чалмоносные головы хивинцев, как мячи, под ударами русских сабель, — и вскоре под державную руку Белого Царя покорены были громаднейшие территории степей; забелелся двуглавый орел над минаретами ханских ставок, а русские двигались себе все дальше и дальше в центральную Азию, сопровождая свой путь такими блестящими предприятиями, как взятие славного

в летописях Востока города Самарканда, Хивинский поход, завоевание Ферганы и, наконец, занятие всей Арало-Каспийской котловины. <...> Заблестел русский крест «на далеких окраинах», и церковный благовест возвестил, что эта вновь покоренная земля принадлежит *нам* [Уралов, 1897, 4–5].

Именно свои окраины Российская империя считала главным достижением на исходе XIX в. Не случайно 1900 г. — водораздел веков — ознаменован на Всемирной выставке в Париже российской экспозицией, представленной через свои окраины: Сибирь, Крайний Север, Кавказ и Туркестан [Шевеленко, 2012]. Войдя через центральный вход, посетители попадали в сени, раскрашенные в русском стиле. Пройдя через них, гости оказывались в выставочном павильоне: первое, что они видели, было огромное панно, изображающее двор мечети в Самарканде, и весь большой первый зал был посвящен Средней Азии. В официальном отчете устроителей русских павильонов утверждалось, что целью экспозиции Отдела окраин было представить «русское культурное движение в Азии, на Кавказе и на дальнем Севере... в его выдающемся значении и в подобающей обстановке» [Участие России..., 10–11; Шевеленко, 2012, 424]. Ряд поствыставочных публикаций содержал недоумение в связи с отсутствием собственно русского антуража в экспозициях. Организаторы же настаивали на своей концепции: русскость сведена до функции обладания окраинами; подвиг русской культуры — освоение необъятных просторов империи. Экспозицию Российской империи называли апофеозом этнографической школы Русского географического общества. Собственно русская культура была представлена в Кустарном отделе. В термах, палатах и светлицах русской деревни (ничего общего не имеющей с собственно деревней, по мнению русских посетителей выставки) были выставлены артефакты народных ремесел: куклы, головные уборы, костюмы, домашняя утварь. Концепции этих экспозиций — «кустарной» и «окраин» — совпадали: колониальное приращение как вширь, так и внутрь страны было главным достижением империи к рубежу XIX–XX вв., это был главный проект империи. «... Метрополия в целом... оказывалась суммой окраин и описывалась через то, чем она владеет» [Шевеленко, 2012, 435].

Именно туда, на окраины, и устремились «господа ташкентцы»: «Молодым офицерам лучше начинать свою службу на окраинах, в истинно боевом кругу... чем коптеть здесь, в Петербурге...» [Каразин, 1905б, 72], — нравоучает опытный русский офицер молодого. В Туркестан, в Ташкент получает назначение и толстовский Вронский из «Анны Карениной», туда же от личных и столичных служебных невзгод устремляется каразинский Ледоколов из «Погони за жизнью», а также тысячи дельцов разной руки.

Но век катойконима *ташкентцы* в его метафорическом значении в русском языке был недолог. Ушла щедринская коннотация *ташкентцев* — и не в последнюю очередь идеологическими стараниями новой, начиная с третьего десятилетия XX в., власти. Катойконим *ташкентцы* зажил своей первозданной

топонимической жизнью, например, в растяжках, так популярных при советской власти («Дорогие ташкентцы, выполним и перевыполним...»; «Ташкентцы! Родина ждет... тонн хлопка!» и т. п.).

В последнее время изредка появляются реминисцирующие заголовки книг, статей («Мои господа ташкентцы...» [Голендер, 2007], «Другие “господа ташкентцы”» [Шафранская, 2013] и т. д.), декларативный вызов которых работает для читателей, обремененных знанием истории русской литературы, для массового же читателя они служат лишь указанием на место проживания неких персонажей. И это при том, что почти все русские фразеологические словари, изданные в XX в., содержат статью «Господа ташкентцы», опирающуюся на щедринский концепт. Стараниями советской пропаганды сам топоним, легший в основу щедринского катойконима, был превращен в пафосный символ спасительного локуса (не без участия разошедшейся миллионными тиражами повести Александра Неверова (1923) [Неверов, 1929], но особенно в пору Великой Отечественной войны), стойкости (Ташкентское землетрясение 1966 г.), восточных ворот страны (проводимый в 1968–1988 гг. Международный кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки) и др.

За время существования Ташкента в русской истории, культуре и литературе с топонимом случился смысловой кульбит: из обозначения места — пощедрински, манка́, куда ехали «жрать»⁵, насыщаться и богатеть, — прежний смысл не исчез, но топоним превратился в карнавальный перевертыш. Возникшая внутри слова энантиoseмия оставила значение культурной лексемы прежним: оно опять сопряжено с е д о й. Это был уже *город хлебный*, но с коннотацией иного аксиологического ряда. Однако и такой топоним уже в прошлом⁶. Никакого — ни щедринского, ни пафосно-советского — символа Ташкента и ташкентцев в русской культуре больше нет.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии / пер. с нем. З. Д. Голубевой ; под ред. В. А. Ромодина ; предисл. В. А. Ромодина. М. : Вост. лит., 2003.

Голендер Б. А. Мои господа ташкентцы: История города в биографиях его знаменитых граждан. Ташкент : Infocom.uz, 2007.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.

Каразин Н. Н. Уругут: Из походных записок линейца // Дело. 1874. № 5. С. 267–300.

⁵ Глагол *жрать* (и сопутствующие слова) в сюжетном пространстве «Господ ташкентцев» повторен многократно — не один десяток раз [см.: Салтыков-Щедрин, 10, 25, 32, 44, 181–182, 229–231].

⁶ Анкетирование студентов показало, что никаких ассоциаций — культурных, исторических, литературных — у молодого поколения ни с Ташкентом, ни с ташкентцами не связано [см.: Шафранская, 2010, 8].

- Каразин Н. Н.* На далеких окраинах : роман // Каразин Н. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. СПб. : Изд. П. П. Сойкина, 1905а. Т. 1.
- Каразин Н. Н.* Наль : роман // Каразин Н. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. СПб. : Изд. П. П. Сойкина, 1905б. Т. 5.
- Каразин Н. Н.* Зарабулакские высоты // Каразин Н. Н. Погоня за наживой : роман, повести, рассказы / сост. А. А. Мачерет. СПб. : Лениздат, 1993а. С. 471–500.
- Каразин Н. Н.* Погоня за наживой : роман, повести, рассказы / сост. А. А. Мачерет. СПб. : Лениздат, 1993б.
- Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям : в 2 т. М. : Худ. лит., 1984. Т. 1.
- Лесков Н. С.* Собр. соч. : в 12 т. М. : Правда, 1989.
- Лукьянова И. В.* Корней Чуковский. М. : Молодая гвардия, 2006.
- Неверов А. С.* Ташкент — город хлебный : повесть. Рига : Грамату Драугс, 1929.
- Никитин П.* Ташкентские рыцари (Повести и рассказы Н. Н. Каразина) // Дело. 1874. № 11. Современное обозрение. С. 1–20.
- Никитин П.* Ташкентские рыцари (На далеких окраинах: Роман Н. Каразина. Погоня за наживой: Роман Н. Каразина) // Дело. 1875. № 1. Современное обозрение. С. 1–33.
- НСИС — Новейший словарь иностранных слов и выражений. М. : АСТ, 2002.
- Огарев Н. П.* Избранное. М. : Худ. лит., 1977.
- Оксман Ю. Г.* Судьба одной пародии Достоевского // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 301–303.
- Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк : Юго-Восток, Лтд, 2004.
- П. И.* Ташкентец в науке // Дело. 1872. № 12. Современное обозрение. С. 1–25.
- Пильский П. М.* Литературные края: Воспоминания. Нахалкиканец из-за Ташкенту // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике / сост. Ю. Абызов. Таллинн : Авенариус, 1999. Т. 5. С. 286–289.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. : в 20 т. М. : Худ. лит., 1970.
- Уралов Н.* На верблюдах: Воспоминания из жизни в Средней Азии. СПб., 1897.
- Участие России на Всемирной парижской выставке 1900 г. Отчет генерального комиссара Русского отдела. СПб., 1900.
- Шафранская Э. Ф.* «Нахалкиканец из-за Ташкенту»: Семиотика восточного топонима в рассказе Н. С. Лескова «Путешествие с нигилистом» // Восток–Запад в пространстве русской литературы и фольклора : материалы третьей междунар. науч. конф. (заочной). Волгоград, 19 ноября 2008 г. Волгоград : Перемена, 2009. С. 93–99.
- Шафранская Э. Ф.* Ташкентский текст в русской культуре. М. : Арт Хаус медиа, 2010.
- Шафранская Э. Ф.* Другие «господа ташкентцы» // Восток свыше: Духовный, литературно-исторический журнал. Ташкент : Моск. патриархат ; Ташкентская и узбекистанская епархия, 2013. Вып. 31. С. 126–128.
- Шевеленко И.* Репрезентация империи и нации: Россия на Всемирной выставке 1900 года в Париже // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : НЛО, 2012. С. 413–444.

Рукопись поступила в редакцию 03.11.2013 г.

* * *

Шафранская Элеонора Федоровна

доктор филологических наук, доцент,
 профессор кафедры русской новейшей
 литературы и читательских практик
 Институт гуманитарных наук Московского
 городского педагогического университета
 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйствен-
 ный проезд, 4; тел. 8 (499) 181 68 59
 E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Shafranskaya, Eleonora Fedorovna

DrHab, Professor,
 Department of Modern Russian Literature
 and Reading Practices
 Institute of Humanities
 Moscow City Teacher Training University
 4, 2nd Selskokhozyaystvenny psg., 129226,
 Moscow, Russia; tel. +7 499 181 68 59
 E-mail: shafranskayaef@mail.ru

REPERCUSSIONS OF A METAPHOR OF M. E. SALTYSKOV-SHCHEDRIN

The article explores the specificity of metaphorical usage of the kotoikonim *tashkenttsy* ‘Tashkenters’ by M. E. Saltykov-Shchedrin in *The Tashkenters Clique*. Owing to Saltykov-Shchedrin, in the late 19th century press, literature and everyday communication the name of the inhabitants of Tashkent turned into a designation of the Russians who went to Tashkent with a civilizing mission. This name, being strongly negative, emerges in Saltykov’s work as an allusion to the odious project of the colonization of Turkestan by the Russian Empire. In the 20th century, after the Revolution, this kotoikonim underwent another reevaluation and was included in an opposite semantic paradigm meaning salvational locus, symbolic rear in the East of the country. The author traces the way of semantic evolution of the word *tashkenttsy* — from Saltykov’s denomination to the appearance of the antiphrastic meaning up to the disappearance of the name with its reconsidered meaning from the Russian linguistic space — with reference to the 19th century press and the works of F. Dostoyevsky, N. Leskov, N. Karazin, L. Tolstoy and A. Neverov.

К е у в о р д с: Russian language, literary onomastics, kotoikonim, dweller names, connotations of proper names, precedent proper name, Saltykov-Shchedrin, The Tashkenters Clique, Tashkent, Turkistan, Dostoyevsky, Karazin, Leskov, Ogarev.

Dostoyevsky, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii* [A Comprehensive Collection of Works] (Vols. 1–30). Leningrad: Nauka.

Golender, B. A. (2007). *Moi gospoda tashkenttsy: Istoriia goroda v biografiiakh ego znamenitnykh grazhdan* [My Tashkenters Clique: A History of the City in Biographies of Its Famous Citizens]. Tashkent: Infocom.uz.

Karazin, N. N. (1874). Urgut: Iz pokhodnykh zapisok lineitsa [Urgut: Notes of a Frontier Guard]. *Delo*, 5, 267–300.

Karazin, N. N. (1905). *Polnoe sobranie sochinenii* [A Comprehensive Collection of Works]. (Vols. 1–20). Saint Petersburg: Izd. P. P. Soikina.

Karazin, N. N. (1993). *Pogonia za nazhivoi* [Quest of Easy Profit]. Saint Petersburg: Lenizdat.

Leskov, A. N. (1984). *Zhizn’ Nikolaia Leskova: Po ego lichnym, semeinym i nesemeinym zapisiam i pamiatiam* [The Life of Nikolai Leskov according to His Personal, Familial and Non-Familial Notes and Memoires] (Vol. 1). Moscow: Khudozh. liter.

Leskov, N. S. (1989). *Sobranie sochinenii* [A Collection of Works] (Vols. 1–12). Moscow: Pravda.

- Lukyanova, I. V. (2006). *Kornei Chukovskii* [Korney Chukovsky]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Neverov, A. S. (1929). *Tashkent — gorod khlebnyi* [Tashkent, a Grain-Raising City]. Riga: Gramatu Draugs.
- Nikitin, P. (1874). Tashkentskie rytsari (Povesti i rassказы N. N. Karazina) [Knights of Tashkent (On N. N. Karazin's Stories and Tales)]. *Delo*, 11, 1–20.
- Nikitin, P. (1875). Tashkentskie rytsari (Na dalekikh okrainakh: Roman N. Karazina. Pogonia za nazhivoi: Roman N. Karazina) [Knights of Tashkent (On N. N. Karazin's Novels "On the Far Outskirt" and "Quest of Easy Profit")]. *Delo*, 1, 1–33.
- Khatskevich, Yu. G. (2002). *Noveishii slovar' inostrannykh slov i vyrazhenii* [The Newest Dictionary of Foreign Words and Expressions]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest.
- Ogarev, N. P. (1977). *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Khudozh. liter.
- Oksman, Yu. G. (1923). Sud'ba odnoi parodii Dostoevskogo [On the Destiny of One Parody of Dostoyevsky]. *Krasnyi arkhiv*, 3, 301–303.
- Otin, E. S. (2004). *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen* [A Dictionary of Connotative Proper Names]. Donetsk: Yugo-Vostok, Ltd.
- P. I. (1872). Tashkentets v nauke [A Tashkenter in Science]. *Delo*, 12, 1–25.
- Pilsky, P. M. (1999). Literaturnye kraia: Vospominaniia. Nakhalkikanets iz-za Tashkentu [Literary Countries: Memoires]. In Yu. Abyzov (Ed.), *Baltiiskii arkhiv. Russkaia kul'tura v Pribaltike* [Baltic Archives: Russian Culture in the Baltic States] (Vol. 5, pp. 286–289). Tallinn: Avenarius.
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (1970). *Sobranie sochinenii* [A Collection of Works] (Vols. 1–20). Moscow: Khudozh. liter.
- Shafranskaya, E. F. (2009). «Nakhalkikanets iz-za Tashkentu»: Semiotika vostochnogo toponima v rasskaze N. S. Leskova «Puteshestvie s nihilistom» [The Semiotics of an Oriental Toponym in N. S. Leskov's "A Journey with a Nihilist"]. In N. E. Tropkina, & A. Kh. Goldenberg (Eds.), *Vostok–Zapad v prostranstve russkoi literatury i fol'klora: Mater. tret'ei mezhdunar. nauch. konf. (zaochnoi). Volgograd, 19 noiabria 2008 g.* [East–West in Russian Literature and Folklore: Proceedings of the International Conference, Volgograd, 19 November 2008] (pp. 93–99). Volgograd: Peremena.
- Shafranskaya, E. F. (2010). *Tashkentskii tekst v russkoi kul'ture* [The Tashkent Text in Russian Culture]. Moscow: Art Khaus media.
- Shafranskaya, E. F. (2013). Drugie «gospoda tashkenttsy» [Another "Tashkenters Clique"]. *Vostok svyshe*, 31, 126–128.
- Shevelenko, I. (2012). Rerezentatsiia imperii i natsii: Rossiia na Vsemirnoi vystavke 1900 goda v Parizhe [The Representation of the Nation and Empire: Russia at the 1900 Universal Exposition in Paris]. In A. Etkind, D. Uffelman & I. Kukulin (Eds.), *Tam, vnutri: Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul'turnoi istorii Rossii* [In the Interior: Practices of Internal Colonization in the Cultural History of Russia] (pp. 413–444). Moscow: NLO.
- Uchastie Rossii na Vsemirnoi parizhskoi vystavke 1900 g. Otchet general'nogo komissara Russkogo otdela.* [Russia at the 1900 Universal Exposition. The Report of the General Commissioner of the Russian Department] (1900). Saint Petersburg.
- Uralov, N. (1897). *Na verbliudakh: Vospominaniia iz zhizni v Srednei Azii* [Riding Camels: Memoires on the Life in the Middle Asia]. Saint Petersburg.
- Vamberi, A. (2003). *Puteshestvie po Srednei Azii* [A Journey to the Middle Asia]. Moscow: Vost. lit.

Received 3 November 2013